

Мас. 1028₂

школьный домъ представляють собою

Приблизительно къ 3 часамъ дня

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

УБОГАЯ „САТИРА“.

I.

Раздутый въ „литературное событіе“ посредственный разказъ г. Чехова *Музыка* удостоился отъ нашей критики пламенныхъ похвалъ, но всѣ эти похвалы были на редкость безсодержательны. Никто не сумѣлъ указать въ разказѣ тѣхъ своеобразныхъ и яркихъ чертъ которыми свидѣтельствуютъ о выдающемся талантѣ автора и сообщаютъ произведенію неотразимую прелесть. Эти черты остались неуказанными, за ихъ отсутствіемъ. Г. Чеховъ пѣлилъ своихъ читателей не силой таланта и не оригинальностью, а тѣмъ что удивительно пришелъ по плечу интеллигентной толпѣ. Въ *Музыкѣ* онъ изобразилъ деревню именно такою какою представляеть ее себѣ интеллигентъ. Еслибы мужики г. Чехова не пьянствовали, не колотили женъ, не обматывали чисто-вѣрною дикости, — интеллигентный читатель смутился бы и не звалъ бы что предпринять: хвалить или бранить разказъ. Но пьянство, колотушки и дикость налицо — значитъ „потрясающая правда“, значитъ „выходящее изъ ряда произведеніе“.

Толпа вообще любитъ „знаемое“, то есть банальное. Она узнаетъ и поощрять его всюду: въ литературѣ, въ живописи, въ музыкѣ. Если „знакомо“ — следовательно хорошо. Следовательно и хвалить можно безъ боязни попасть въ просакъ.

Я вспоминаю о разказѣ г. Чехова и о выпавшемъ на его долю успѣхѣ,

читая въ послѣдней книжкѣ *Русской Мысли* очеркъ нѣкоего г. Елпатьевского, *Миша*. Почему бы этому очерку не раздѣлить участи *Музыки*? Г. Чеховъ изобразилъ „низы“, г. Елпатьевскій взялся за „верхи“. Г. Чеховъ намалевалъ дубочный пейзажъ, г. Елпатьевскій расправился судьямскою малярною кистью съ „дворянствомъ“. Г. Чеховъ ни на волосъ не отклонился отъ шаблона со-зданнаго беллетристами-народниками, г. Елпатьевскій „творилъ“ строгаѣе придерживаясь Щедрина. И у того, и у другаго — „все вѣрно“, все знакомо, все до виртуозности банально. Положительно, будетъ вопиющею несправедливостью если переодѣтая критика не превознесетъ очеркъ г. Елпатьевского!

Къ тому же названный очеркъ претендуетъ на значеніе сатиры. *Миша* — это, по мысли автора, широко-обобщенный, даже универсальный дворянскій типъ. И, судите сами, какъ не признать его таковымъ?

Миша — душа общества. Онъ преносходный дирижеръ танцевъ, неистощимый разказчикъ и анекдотистъ, бездонная бочка въ компаніи вынимающихъ, непрѣланный участникъ всѣхъ земскихъ и дворянскихъ собраний, отчаянный ловеласъ и записной охотникъ.

Миша не чуждается гражданскихъ обязанностей:

„Онъ съ честью, какъ принято говорить въ Рукавицынскомъ уѣздѣ, трехлѣтіе несъ обязанности непрѣлннаго члена, а два трехлѣтія былъ членомъ земской управы — по дорожной части; вѣроятно, слышалъ бы и болѣе, еслибы не произошло нѣкотораго замѣшательства въ Мишиныхъ отчетахъ по части сооруженія мостовъ и гатей и не прозвучало нѣслыханное въ Рукавицынскомъ уѣздѣ

должен был отвечать на каждую

мудры и капризные суды свои и
ковья распри..

слово „растрата“. История окончилась для Миши безъ особыхъ неприятностей, тѣмъ не менѣе онъ обидѣлся и болѣе не баллотировался на выборныя должности.

„Сказать что Миша дуракъ, значитъ совсѣмъ не понимать его. Правда, онъ не „утомленъ высшимъ образованіемъ“ и не удрученъ чрезвычайными знаніями, но никомъ образомъ не глупъ. Онъ даже не лишень нѣкоторой талантливости,—не дурно поетъ: „Нѣмцы, Испанія и Италіяна“, можетъ сыграть на рояли по слуху любой опереточный мотивъ, владѣетъ даже речомъ и знаменитъ въ уѣздѣ своими подражаніями Баркову, а скабрзные анекдоты рассказываетъ съ такою экспрессіей что мушкетеры покатываются отъ хохота и выливаютъ по лишней бутылкѣ вина, а дамы бьютъ Мишу въ рамя по рукамъ и говорятъ: „вы невозможны, Мишель.“

Не правда ли, тутъ все „знакомое“: „служба по выборамъ“, заканчивающаяся „пикантнымъ недогадываніемъ“, и опереточные мотивы разыгрываемые по слуху, и скабрзные анекдоты рассказываемые безъ различія и дамамъ, и мушкетерамъ. Положительно, г. Елпатьевскій „ничего не сочинилъ“ и „такъ вѣрно, такъ вѣрно все описалъ“.

II.

Дальше г. Елпатьевскій описываетъ съ неменьшею вѣрностью.

Разумѣется, его Миша прожилъ до тла, спустилъ имѣніе, Богъ вѣсть гдѣ скитался, Богъ вѣсть какия занималъ должности, потомъ получилъ наследство отъ одной изъ безчисленныхъ тетушекъ и, наконецъ, попалъ въ Петербургъ.

До сего момента г. Елпатьевскій, какъ мы видѣли, „ничего не сочинилъ“. Но тутъ онъ съ пужимъ „сча-

стья“, не столько оригинально, сколько... мало-осмысленно.

Въ Петербургѣ Миша занялся литературой.

„Онъ внесъ въ литературу простоту чувствъ, несложность умственныхъ эмоцій, ясный взглядъ умудреннаго опытомъ землевладѣльца и свободный стиль охотничьихъ разназовъ.“

Хуже всего что Миша антисемитъ. Авторъ считаетъ необходимымъ подчеркнуть эту особенность Мишинаго мировоззрѣнія, вѣдь очевидно зазорную.

По части иностранной политики Миша съ Англіей не перемонится: „а въ морду хочешь?“ Италію грозить пальцемъ, Германію посязываетъ кулакомъ, Францію дружески хлопаетъ по плечу, а Австрію просто-на-просто презираетъ, Турцію гладитъ по головкѣ: „что, дурашка, испугался?“

Авторъ заканчиваетъ характеристику Миши-литератора воззваніемъ къ своему герою: „брось, пойдемъ на зайцевъ!“

Ахъ, почему бы и г. Елпатьевскому не „пойхать на зайцевъ“, то-есть не обратиться къ болѣе соответствующимъ его разумнѣю сюжетамъ.

Г. Елпатьевскій, быть можетъ, воображаетъ что я хочу взять Мишу подъ свою защиту или доказывать что Миша не дѣйствовалъ и не дѣйствуетъ въ литературѣ? Нѣтъ, дѣло вовсе не въ этомъ. Г. Елпатьевскій взялся за сатирu. Но написать сатирической очеркъ или списать его—двѣ вещи разныя. Нашъ авторъ списалъ своего Мишу съ разназовъ Щедрина, обнаруживъ даже и въ подобномъ нехитромъ занятіи болшую безтолковость. „Миша“ отнюдь не такъ „универсаленъ“ какъ воображаетъ авторъ. Служба по выборамъ, кугежи, опереточные мотивы, разстроенное состояніе, скабрзные анекдоты—дѣйствительно „знакомые“

остами, сладкими пирогами и шам-

разъ они вступаютъ въ среду Сла-

аксессуары „дворянскихъ“ разказовъ, начиная Щедринымъ и кончая С. Ата-вскѣй. Однако, за этими аксессуарами скрывается нѣкоторая *сущность*, и вотъ этой-то сущности мы не видимъ въ очеркѣ г. Елпатьевскаго. И Щедринъ, и Атава многократно изображали „Мяшелей“, „Мишу“ и просто „Мишекъ“, но ни тому, ни другому не приходило въ голову посылать ихъ въ литературу. Въ литературу Щедринъ отправилъ Ноздрева и, какъ ни неожиданно появленіе въ литературу Ноздрева, оно находило оправданіе въ *логикѣ сатирика*, между тѣмъ Миша - литераторъ — просто чепуха, не находящая оправданія ни въ какой логикѣ.

Герои „дворянскихъ“ разказовъ Щедрина надѣлены обесцвѣченными чертами, чертами, однако, по преимуществу комическими, а не грубо-отрицательными. Наша „передовая“ критика до такой степени придавала значеніе „элементамъ протеста и отрицанія“ въ сочиненіяхъ Щедрина что отъ нея ускользнули многія весьма интересныя и замѣчательныя особенности этого писателя. Напримѣръ, въ одинъ изъ „передовыхъ“ критиковъ не счелъ пужнымъ указать что Щедринъ съ дѣйствительною злобой относится главнымъ образомъ къ „хаму“, къ „разночинецу“. Дворянинъ у него обыкновенно ротоушій, пустельга, кутила-мученикъ, глухой, но добрый малый, всѣми обираемый и одурачиваемый, „хамъ“, „разночинецъ“ — непременно недобродѣй, безъ малѣйшаго оттенка добродѣи. Если хорошенько разобратъ въ щедринскихъ типахъ, то легко убѣдиться что самыя отталкивающія, самыя гнусныя черты приданы героямъ не - дворянскаго сословія. И какъ характеренъ, напримѣръ, хотя бы такой эпизодъ: проворовавшійся земецъ-дворянинъ, узнавъ о неблагополучномъ исходѣ ревизіи, отпра-

вляется домой и пускаетъ пулю въ лобъ. Проворовавшійся съ нимъ вѣсть купецъ остается жить, старается вывернуться на судъ и спокойно воспринимаетъ на спине бубновый тузъ. Щедринъ рѣзко, даже вѣскольно тенденціозно, подчеркиваетъ разницу въ поведеніи обоихъ героев. И этой, по всей вѣроятности вполне сознательной, *дворянской* тенденціи онъ не замѣнилъ никогда. Онъ описывалъ уроковъ, но среди этихъ уроковъ самыми безобразными были не дворяне.

III.

Такимъ образомъ г. Елпатьевскій, заявившись списываніемъ съ книжки, даже списать толково не сумѣлъ. Онъ поступилъ съ „дворяниномъ“ еще проще нежели г. Чеховъ поступилъ съ мужикомъ. Надѣливъ своего героя вѣшными особенностями которыя такъ „знакомы“ читателю, нашъ авторъ попытался устроить „литературную коммерцію“ и обмануть публику далеко-неискуснымъ маскарадомъ.

А между тѣмъ г. Елпатьевскій, какъ кажется, писатель не безъ способностей. Пускай, слѣдуя влеченію сатирику, онъ предъ нами предъ собой ставитъ благодарную задачу. Въ современномъ дворянинѣ, конечно, не трудно отыскать отрицательныя стороны. Въ зависимости отъ большей или меньшей тенденціозности, г. Елпатьевскій съ большею или меньшею точностью воспроизвелъ бы современнаго дворянскаго типа. Но для этого ему понадобилось бы подыскать иные признаки нежели тѣ которыми онъ характеризуетъ „Мишу“. Въ самомъ дѣлѣ, неужели опереточныя мѣтны или скабрёзныя анекдоты могутъ служить отличіемъ *нѣматимого* дворянина? Прежде, въ эпоху къ которой относятся разказы Щедрина, и дирижерами, и организаторами ку-тежей, и разказчиками анекдотовъ

лова пригласила императора и импе-

дѣйствительно выступали исключительно Миши, потому что иной публики не было. Теперь и въ уѣздномъ, и въ губернскомъ обществѣ развелось столько „новыхъ людей“ что Мишино амплу никогда не остается вакантнымъ. Обративъ преимущественное вниманіе на внѣшнюю сторону, г. Елпатьевскій, можетъ-быть, принялъ за „Мишу“ — Колупаева — junior'a, и я охотно вѣрю что Колупаевъ junior не безъ успѣха имитируетъ щедринскихъ помѣщиковъ, только безъ ихъ добродушія и безалаберной порядочности.

Нивелировка, дающая день ото дня все болѣе и болѣе замѣтные результаты, сглаживаетъ внѣшнее различіе. Писатель желающій уловить сущность современныхъ типовъ, именно на сущность долженъ обращать вниманіе, а не на внѣшность.

Это и всегда было не лишнимъ, а теперь особенно необходимо. Срывать аплодисменты у либеральной критики легко. Либеральная критика всегда останется довольна разказомъ, гдѣ мужикъ изображенъ звѣрь-звѣремъ, а дворянинъ идіотомъ и негодяемъ. Знаю что плодотворнѣе сражаться съ вѣтранными мельницами неслѣдуетъ доказывать современнымъ беллетристамъ тщету погони за дешевымъ успѣхомъ. Въ сущности жаждать успѣха совершенно естественно, и надо много трезвости ума, много самообладанія, чтобы различать дешевый успѣхъ отъ настоящаго.

Но вѣдь не все же у человѣка съ призваніемъ — для толпы, для успѣха? Есть же у него, или, по крайней мѣрѣ, должно быть что-нибудь для себя? Неужели сознаніе фальши въ своихъ произведеніяхъ нисколько не мучитъ нынѣшняго писателя? Неужели ему не хочется простора для творческой мысли, и онъ не испытываетъ ни малѣйшей потребности въ искренности?

В. МЕДВѢДСКІЙ